

STUDIA PHILOLOGICA

ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫПУСК 11

Ответственный редактор
М. Ю. Люстров

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ

Москва 2004

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Г 37

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 03-04-16101

Экспертный совет:

*О. В. Gladkova, А. С. Demin,
И. Г. Dobrodorov, В. М. Kirillina*

Г 37 Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11 / Об-во исследователей Древней Руси; Отв. ред. М. Ю. Люстров. — М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. — 912 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0030-X

Книга является собранием статей, посвященных русской истории, литературе, искусству, общественной мысли XI — начала XVIII вв. Основу сборника составляют работы сотрудников отдела древнерусской литературы и участников семинария исследователей древнерусской литературы ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, представляющие различные научные школы и направления.

Книга адресована в первую очередь подготовленным читателям — ученым-медиевистам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам-филологам, историкам, искусствоведам.

ББК 83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavvic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0030-X

9 785955 100302

© Авторы, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обобщающие темы

А. С. Демин. Из истории древнерусского литературного творчества XI–XVII вв.	9
О. Н. Бахтина. Старообрядческая литература в контексте христианской традиции понимания слова	132
Д. С. Менделеева. О книжных традициях аввакумовской образности ...	153
В. Д. Чертыг. Зримые образы слова (истоки, функции и выразительные возможности древнерусских изображений)	173
Р. А. Симонов. Литература Древней Руси в календарно-математическом и сокровенном контекстах	202
М. Ю. Люстров. Шведско-русские литературные связи в первой половине XVIII в.	268

Жития и церковные сказания

О. В. Гладкова. «Житие Евстафия Плакиды»: от Нестора до Милорада Павича	281
Л. Н. Коробейникова. О сюжетосложении «Жития Галактиона и Епистимии» (к проблеме типологии переводных византийских житий)	321
Л. Н. Коробейникова. История текста «Жития Галактиона и Епистимии»: предварительные наблюдения	351
А. М. Ранчин. Из наблюдений над пространственной структурой в сказаниях Киево-Печерского патерика	367
А. Чиварди. Влияние <i>Żywotów Świątych</i> на Четьи-Минеи: краткий обзор вопроса в научной литературе (1849–1994 гг.)	380
В. М. Кириллин. «Повесть о новгородском белом клобуке»: время происхождения и соотношение первых редакций	393
Т. В. Марелло. Макариево-Ужженский монастырь в первой половине XVIII века: К вопросу о литературной деятельности игумена Леонтия	438
С. М. Шамин. Легенда о святом-камнеплавце в русской литературной и фольклорной традиции	471

Летописи и исторические сочинения

<i>Л. И. Щеголева.</i> О символике чисел в греческом тексте Евангелия от Иоанна	483
<i>А. А. Шайкин.</i> Тропы в «Повести временных лет»	505
<i>А. Л. Никитин.</i> О Радзивилловской летописи	526
<i>Н. В. Трофимова.</i> Из истории древнерусской воинской повести	558
<i>К. Ю. Ерусалимский.</i> Как сделана «История» А. М. Курбского: проблемы хронологии текста	591

«Слово о полку Игореве»

<i>А. А. Горский.</i> К источниковедению «Слова о полку Игореве»	621
<i>А. Л. Никитин.</i> «Слово о полку Игореве» в контексте изучения древнерусской истории и литературы	647
<i>А. М. Зеленикофенный.</i> О некоторых выражениях из «Слова о полку Игореве»	669

Послания и грамоты

<i>Т. В. Марелло, И. В. Дергачева.</i> Некоторые философские аспекты «Послания о рае» Василия Калики Феодору Доброму	685
<i>А. В. Кузьмин.</i> Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV— первой трети XV в. (Ч. I: Всеволож Заболоцкие, Вольинские, Липятины)	701
<i>А. И. Филюшкин.</i> «Послание к игумену» новгородского архиепископа Феодосия	784
<i>В. В. Дубовик.</i> Об особенностях цитации в текстах Тимофея Акиндинова	802
<i>Н. Б. Карданова.</i> Грамота царя Алексея Михайловича и современный ей перевод на итальянский язык	828

Разное

<i>А. А. Опарина.</i> К проблеме автора и времени создания «Хождения купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока»	869
<i>Т. Г. Велиханлы (Джафаров).</i> Русско-турецкие контакты в описании русских посольских повестей (на материале «Посольства Ивана Новосильцова в Турцию»)	887
<i>Дж. Ревели.</i> Литературные источники «Российской Памелы» П. Львова: некоторые наблюдения	894

ОБОБЩАЮЩИЕ ТЕМЫ

А. С. Демир

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

XI—XVII вв.

Наивно, но верно: древнерусскую литературу мы изучаем, чтобы лучше ее понимать. Стремление к пониманию — это основная наша потребность.

В настоящее время существуют три взаимосвязанных, но все-таки различающихся направления, или уровня, в изучении (понимании) древнерусской литературы; просто назову их, не вдаваясь в большие пояснения: 1) источниковедческое направление, самое традиционное и самое востребованное поныне; 2) идеологическое направление, зарекомендовавшее себя давно и очень почитаемое сейчас тоже; 3) эстетическое направление, сравнительно еще новое и не слишком популярное у исследователей из-за его недостаточной разработанности.

Об эстетическом направлении (понимании эстетики памятников) скажу чуть подробнее. При чтении древнерусских литературных памятников мы обычно в первую очередь получаем эстетические впечатления, а рефлекслируем уже более или менее потом, особенно тогда, когда впечатления от чтения не соответствуют нашим ожиданиям или расхожим представлениям о памятнике. Ожидали одно, а получили другое. Например, ожидали ясно выраженного патриотизма от памятника, а столкнулись с крайне невнятным изложением. Вот почему самое главное для русиста-медиевиста эстетической направленности — это изучение реально проявившегося литературного творчества древнерусских авторов, то есть манеры (формальной и смысловой струк-

туры) повествования, принятой в памятнике. Через повествовательную манеру гораздо тоньше раскрываются литературные традиции, авторские цели, идеи и представления, чем при систематизации прямых высказываний автора на этот счет. Именно эстетическое изучение (понимание) произведений позволяет нам точнее всего предупредить нынешних читателей о том, чего следует ожидать от древнерусской литературы.

Как все это удается связать и понять, конечно, с разной степенью полноты, глубины и обоснованности, можно увидеть из предлагаемой статьи, составленной из десяти недавно написанных мной очерков о повествовательной манере нескольких древнейших переводных памятников, а затем памятников оригинальных — «Слова о Законе и Благодати» Илариона, «Жития Феодосия Печерского» Нестора, «Слова о полку Игореве», «Слова о гибели Русской земли» (в двух очерках — третьем и пятом), «Жития Александра Невского», «Задонщины» (в двух очерках — в пятом и десятом), «Псковской второй летописи», «Хронограф 1512 г.», «Степенной книги», «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»*. Благодаря серии очерков становится заметной эволюция принципов древнерусского литературного повествования, хотя общая картина получается еще очень отрывочной, тем более что нередко манера повествования не так уж отчетлива, а ее связи с целями, идеями и представлениями автора и с исторической обстановкой недостаточно ясны.

1. Семантика перечислений в литературе XI — начала XII в.

Некоторые переводные произведения

В древнейших памятниках очень часто использовалось всепроникающее и, оказывается, семантически разнообразное литературное средство — перечисления. Рассмотрим лишь наиболее интересные случаи, начиная с беглого обзора произведений переводных и перечислений самых архаических, составивших некий исходный фон литературных образцов для древнерусских авторов.

В так называемой хронографической «Александрии» перечни, по нашим наблюдениям, архаичнее всех: они еще сохранили внелитературные корни, как бы не оторвались от торжественных хозяйственных описей и указывали только важнейшие части того или иного значительного объекта. Например, описывалась драгоценная «дщица»: «златомъ и сланомъ обложена, имеючи звездъ 7 и чястный стражь, солныце же и луну, солнце же убо хрустально, а луна адаматина, другии нарицаемьи Зеусъ въздушныйи, другии же Кронъ змиевъ, Афродитъ самъфирова» и т. д.¹ — опись называла только самое важное у знаменитой «дщицы», потому что всего ее состава, как оговаривалось тут же, «слово указати не можеть». Так же описан далее царский дворец — только важнейшие части его обстановки, потому что «от множества не можемъ исказати великия доброты их» (110).

В «Александрии» встречалось немало таких семантически аналогичных перечислений, содержавших обозначения целого и лишь его важнейших частей: «зверие ихъ суть: тигры, лвове, слонове, буяюще своею силою» (81) — перечислены не все звери некоей опасной местности, а только самые сильные; или: «имение наша есть земля, древа плодоносная, светъ, солнце, луна, звездныйи ликъ и вода» (85) — указаны только крупнейшие части просторного «имения» бескорыстных рахман; или даже без обозначения целого: «и бяше видети везде огонь, и камене, и стрелы, и сулица испущаа» (52) — упомянуты самые смертоносные орудия битвы, лишь подразумеваемой, но не названной в этой фразе. Все это элементы достаточно простого и безыскусного изложения. Так, по крайней мере, они выглядят в переводе «Александрии».

Совсем иное впечатление производят перечисления в «Слове о царствии язык последних времен» (или «Откровении») Мефодия Патарского. Перевод «Слова» Мефодия Патарского содержал в абсолютном большинстве даже не перечни, а парные сочетания родственных понятий, которыми повествователь лаконично обозначал всю полноту состава того или иного явления. Например, когда говорилось о том, что мужи, одевшись в женские ризы, «по стьгнамъ града ходяще и по торжищемъ предъ всеми»², то, судя по оговорке «предъ всеми», парное сочетание стогн и торжищ подразумевало весь град полностью, со всеми его жи-

телями. Или когда повествователь предрекал, что, очевидно, в города «дивии осьлии приидут и сърны от пустыня, и всяк род зверинь узрят человеце» (277), то подразумевалось нашествие всех видов диких зверей, полностью «всяк род зверинь», а не только ослы и серны. Когда рассказчик пророчил, что род измаилтян «в руце цесаря гръчьска предань будеть оружиемъ и примучениемъ, и будеть ярымъ гръчьскъ съторицею на них» (279), то сочетанием «оружие и примучение» рассказчик обозначил вообще весь состав насилий, который и обобщил понятием «ярем»; когда повествователь предупредил, что измаилтяне «наругатися начнуть и насмивати ходящимъ по Божии заповеди уродскими и буими беседами» (276), то опять-таки парой глаголов «наругатися и насмивати» обозначил все виды многообразных оскорбительных речений, то есть «уродских и буиных бесед» измаилтян по отношению к христианам. В «Слове» Мефодия Патарского содержится огромное количество парных перечислений, демонстрирующих архаический лаконизм в характеристиках явлений, литературную ценность изложения.

Парные сочетания с их семантикой входили, наверное, в самый архаичный пласт собственно литературных средств (ср. «стилистическую симметрию» — особенно псалмов)³, но глубина их архаичности уже колебалась в переводе «Слова» Мефодия.

Система парности содержала заметные нарушения в переводе «Слова» Мефодия Патарского. Многие пары превратились в формулы, которые имели гораздо более узкий смысл. Например, формула «человеци и скоты» уже не означала «все живое от человека до скотов»; ее смысл теперь: «все люди». Когда повествователь писал, что «скончается печаль на человецехъ и на скотахъ, и будутъ гладь и смерть, измждають человеце и распрашатся, акы персть, по всеи земле» (278), то он имел в виду только людей и даже забыл об условно упомянутых скотах. Если же требовалось обозначить все живое, то к формуле «человеци и скоты» делались разные прибавки: «пущень есть по всеи земле на человеки, и на скоты, и на звери...» (275), «и будутъ вси под властию: и человеце, и скоти, и птица небесныа...» (276).

Отдельные парные сочетания не содержали однородных понятий и семантически соотносились с иными повествовательными формами. Так, перечисление «падутъ въ гресехъ и во смраде»

(276) соотносилось с определительным словосочетанием «падут в смрадных грехах»; перечисление «одержими будутъ вси молчаньемъ и страхомъ» (276) тяготело к причинно-следственному высказыванию «одержимы будут все молчанием из-за страха».

В переводе «Слова» наличествовали также перечисления фактически единичных элементов, которые только по формальной привычке перечислялись парами (например, «мучители воеводы, их же имена си суть: Ориивъ и Зивъ, Изееве и Салмона» — 271).

В переводе «Слова» и внешняя парность в перечнях местами начала разрушаться, и между парами стали внедряться одиночные элементы. Так, описывалось «приношение ко святымъ: любо злато буди, любо сребро, любо каменеи честное, любо медь, любо железо, любо ризы, любо честней хлеби темъ летию будутъ» (276) — золото с серебром и медь с железом образовывали пары, но в одиночку стояли каменеи, ризы, хлеба. Интересно, что в болгарском списке 1345 г. «Слова» Мефодия (а «Слово» пришло на Русь из Болгарии) вместо одиночного словосочетания «честней хлеби» присутствовала, возможно, первоначальная пара: «и брашна въсе и сънеди честнии» (221).

Самым же распространенным в древнейший период являлся несколько иной смысл перечислений. Во многих переводных произведениях перечисления были довольно длинны и означали не просто полноту, но исчерпанность всех разновидностей или частей явления. Очень много таких перечислений в Евангелии. Например, Евангелие от Матфея, V, 44, по «**Архангельскому Евангелию**»: «любите врагы ваша: благословите кльнущая вы, добро творите ненавидящихъ васъ, молити за творящая вамъ напасти, изгонящая вы благословите»⁴ — под врагами подразумевались как бы все возможные виды врагов: клянущие, ненавидящие, творящие напасти, изгоняющие; так же и в понятие «любити» вошли как бы все проявления любви: благословлять, добро творить, молить за любимого. Интересно, что приписка русского писца XI в. в «Архангельском Евангелии» содержала тот же вид перечисления, претендующий на исчерпанность: «отягъченъ грехы бечисльными... помышляя сластолюбие, похотение, свары, пьянство — просто рекъше, *вся злая*» (390–391), — писец подразумевал исчерпывающий список грехов, составляющих понятие «вся злая».

Принцип характеристики явления исчерпывающим перечислением его разновидностей или состава был провозглашен в **апокрифе о Енохе** — тот объявлял: «Тогда раздреси Господь векъ человека ради и раздели е на времена и лета, на месяци, и дни, и часы... И се, чада моя, азъ правлема я по земли промитая исписахъ, и лето *все* складохъ и часи деньнии, и часы размерихъ, и исписахъ *всяко* семя на земли, и изровнавахъ *всяку* меру, и превесу праведну измерихъ и исписахъ»⁵. И далее: «И видехъ адъ отверсть... и снидохъ, и исписахъ *все* суды судимыхъ, и *все* въпросы ихъ уведахъ» (22), «видите, азъ *вся* дела всякого человека написываю» (23). Так создавалось обстоятельное, солидное изложение.

Перечисления со значением исчерпанности всех разновидностей явления, сигнализовавшие об обстоятельности предлагаемого повествования, были распространены и в житиях, в частности в **«Житии Мефодия Моравского»**, где, например, пояснялось, каким букетом качеств обладали слова и дела Мефодия: «ярость, тихость, милость, любовь, страсть и търпение — *все о всьсьскихыхъ* бывая» — подчеркнут охват именно «всйческих» качеств⁶. Многие перечни в этом житии делали упор на «всйечность» перечисляемого; например, тело усопшего Мефодия провозжали «мужьскъ полъ и женьскъ, малии и велиции, богатии и убозии, свободьнии и рабы, въдовица и сироты, страньнии и тоземьци, недужьнии и съдравии — *всьи* бывъшаго *всьсьско* *всьемъ*» (198). Или беды, в которые попадал блаженный, перечислялись как вездесущие и всеисчерпывающие: «На *всьехъ* же путьхъ въ *многы* напасти въпадъше от неприязни: по пустынямъ — въ разбоиники, и по морю — въ вълны ветръны, по рекамъ — въ смъртньны незапъны» (197).

Перечисления со значением исчерпанности проникали всюду, в том числе в повести. Оттого вставки во вторую редакцию «Александрии» отличались уже иным характером перечней, обозначающих в отличие от первой редакции не важнейшие части целого, а исчерпанность его разновидностей или состава, хотя части перечислялись не буквально все. Так, во вторую редакцию «Александрии» было включено сочинение Палладия Еленопольского **«О рахманех»**, где автор сообщал, что у рахман «несть четвероножиць, ни оратвы, ни железъ, ни здания, ни огня, ни пло-

да, ни вина, ни ризы, ни иного ничто же, еже на дело прекланяется или на наслаждение бывающее» (109, ср. 200–201) — этим перечнем автор как бы исчерпал все в материальной жизни. Иногда для исчерпанности автору было достаточно перечислить три элемента: «имамъ *все* — землю, воду, въздухъ» (117); а бывало, автор по-старому ограничивался и двумя элементами, означавшими все целое: «вльковъ же и лвовъ и *всехъ* зверии горши есте вы» (125) — «все зверии», а упомянуто лишь два. В прочих вставках во второй редакции «Александрии» перечни также имели то же значение исчерпанности.

Однако указанными видами перечислений («наполняющими» и «исчерпывающими») дело не ограничивалось. Так, «Хроника» Георгия Амартола более чем обильна перечислениями. Судя по переводу, повествователь бесконечное число раз употреблял парные сочетания, традиционные по семантике, однако не менее часто использовал уже троичные сочетания, притом с обобщающими словами, которыми обозначал некие расширенные, более крупные явления, чем следовало из самих перечислений, что не свойственно только «наполняющей» семантике парных сочетаний. Например, в перечислении «мужеубиица и тати прочая *безаконьствующая*»⁷ повествователь имел в виду не только совокупность разного рода разбойников, как это обозначило бы парное сочетание («мужеубиица и тати»), но всех преступников вообще, что и раскрывал третий, обобщающий элемент перечисления («безаконьствующая»). Так же в перечислении «на пустоштво уця цесаря, на безаконие и *злбия все*» (537) расширяющий смысл перечисления раскрывал третий, обобщающий его элемент — не отдельные нарушения, но все злое.

Расширяющий смысл троичных перечислений поясняли также обобщающие слова в окружающем контексте этих перечислений. Например, описание весны: «начаемиа еару, рекше *весне*: земля прозябаеть зело траву, и пажити цвьтуть, и древа ражають плоды» (220) — не просто земное изобилие, как следовало бы из парных сочетаний, а больше того — весна. Или: «начать скорбети, и улютати, и тужити, и съ уныниемъ жития си разруши» (103) — не просто огорчение, но гибель. Нередко обобщающие слова указывали на расширенный количественный смысл троичных перечислений: «пришедъшу ему в Египеть въ *силе*